

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста

Статья 2. Пороговые условия перехода для общества

В статье 2 (статью 1 см. в предыдущем номере) делается попытка дополнить концепцию Норта–Уоллиса–Вайнгаста представлением о том, каковы должны быть пороговые условия для общества при переходе к порядкам открытого доступа. Для этого предлагается конструкция на основе сопоставления совокупности векторов, каждый из которых отражает суммарное воздействие противоположных ценностных предпочтений: “распределение–обмен”, “диктатура–демократия”, “закон–обычай, основанный на подчинении сильному”, “патернализм–индивидуализм”, а также вектор социальной напряженности.

Ключевые слова: модернизация, институционализм, трансформация, элита, общество, Норт–Уоллис–Вайнгаст.

In Article 2 (Article 1 in previous issue) the author attempts to add to the concept of North–Wallis–Weingast representation on the threshold conditions for the society during the transition to open access orders. For this purpose the design is proposed on the basis of a comparison of set of vectors, each of which reflects the net effect of the opposite value of preferences, “distribution–the exchange”, “dictatorship–democracy”, “the law–a custom based on the subordination of the strong”, “paternalism–individualism”, and vector of social tension.

Keywords: modernization, institutionalism, transformation, elite, society, North–Wallis–Weingast.

Д. Норт и его коллеги [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт... 2012] анализируют условия перехода к порядкам открытого доступа в ситуации, когда властная элита, по сути, ведет за собой все общество. Она осознала важность и выгодность для себя пороговых условий этого перехода и готова к распространению новых порядков регулирования общественных отношений и на незлитные слои, в частности открывая новые возможности вертикальной мобильности для талантливых представителей низших слоев общества (хотя это не новость: реальные возможности вертикальной мобильности существуют и в рамках порядков ограниченного доступа). В случае же, когда сложившаяся властная элита по сути своей не стала авангардом общества, запаздывает в своем развитии, не улавливает уже возникших новых потребностей, не желает поступиться собственными привилегиями и корыстными интересами, общество может оказать на нее давление “снизу”, вынудить элиты, либо находящиеся у власти, либо те, что готовы перехватить властные рычаги в результате революционного переворота, принять “пороговые условия”, необходимые для перехода к порядкам открытого доступа.

Однако каковы должны быть в этой ситуации требования значительной части населения и к властной элите в частности, и к общественному устройству вообще,

чтобы страна смогла под давлением “снизу” начать движение к порядкам открытого доступа? Как складывается ситуация, при которой стабильность системы “власти-собственности” (или порядков ограниченного доступа) нарушается и страна делает попытку вырваться за ее пределы (удачную или нет – другой вопрос)? Представляется, что здесь нельзя ограничиться лишь политической сферой, требованиями демократизации политического устройства. Спектр желаемых перемен должен быть гораздо шире, включать в себя и основы социально-экономического переустройства, и социокультурные компоненты жизни общества.

Думается, сама устойчивость как системы “власти-собственности”, так и противоположной ей частнособственническо-рыночной демократической системы, или порядков открытого доступа, опирается на гармоничное взаимодействие совокупности компонентов, каждый из которых можно представить как вектор, отражающий результирующую величину воздействия двух полюсов представленных им оппозиций (см. также [Плискевич, 2007]). В качестве основных можно выделить следующие оппозиции: “распределение–обмен” (и производный от него “патернализм–индивидуализм”), “диктатура–демократия”, “закон–обычай, основанный на подчинении сильному”, а также вектор, отражающий и уровень социальной напряженности, и представления людей о причинах их бедственного положения и путях его исправления. Направление каждого из векторов зависит от того, к какому полюсу оппозиции тяготеет общество, а его величина – от того, насколько одна тенденция перевешивает другую. В случае же раскола общества практически пополам по отношению к той или иной оппозиции символизирующий ее вектор стремится к нулевому значению. Видно, что полюса предложенных оппозиций тяготеют к разным общественно-экономическим системам – “власти-собственности” и частнособственническо-рыночной демократической (соответственно – к порядкам ограниченного или открытого доступа).

Эти векторы могут быть размещены в системе координат, где экономику и политику можно представить альтернативой монополии и конкуренции, а социокультурный аспект – противопоставлением ценностей традиционализма и либерализма. Разумеется, такая схема (как, впрочем, любая попытка схематического упрощения сложных социальных процессов) весьма условна. Но все же, при всем схематизме, она позволяет выявить некоторые тенденции. Не случайно существуют достаточно емкие метафоры – “вектор перемен” или “вектор развития”. Кроме того, предложенный набор векторов в своей совокупности охватывает не только соответствующие объективные процессы, но и их субъективное восприятие, а также косвенным образом учитывает комплекс ценностей и устремлений, господствующий в обществе на исследуемом этапе развития. Думается, что такой набор векторов, размещенный в предложенной системе координат, особенности их конфигурации на том или ином историческом этапе поможет найти ключ к той национально-специфической формуле модернизации, о которой говорит, например, А. Аузан (см. [Аузан, Келимбетов, 2012; 2013; Аузан, 2010] и др.). В характеристики предложенных векторов можно уложить выдвигаемые им требования к успешным модернизационным процессам, заключающиеся в учете социального и культурного капитала страны, его ценностной структуры, особенностей формальных и неформальных институтов, так как само тяготение к тем или иным полюсам оппозиций обусловлено соответствующими социокультурными ценностными предпочтениями. При этом совершенно не исключается возможность дополнения предложенной конструкции набором других векторов, уточняющих те или иные социокультурные особенности, оказывающие влияние на модернизационный процесс. Скажем, в виде вектора в данной системе координат можно представить используемые Р. Инглхардтом оппозиции “ценности выживания – ценности самовыражения”.

Предложенная система координат позволяет выделить четыре квадранта, из которых два соответствуют двум противостоящим социально-экономическим системам. Одна – система “власти-собственности” (порядки ограниченного доступа), другая – частнособственническо-рыночная демократическая система (порядки открытого доступа). Два другие квадранта можно определить как “зоны мутации” – переходных

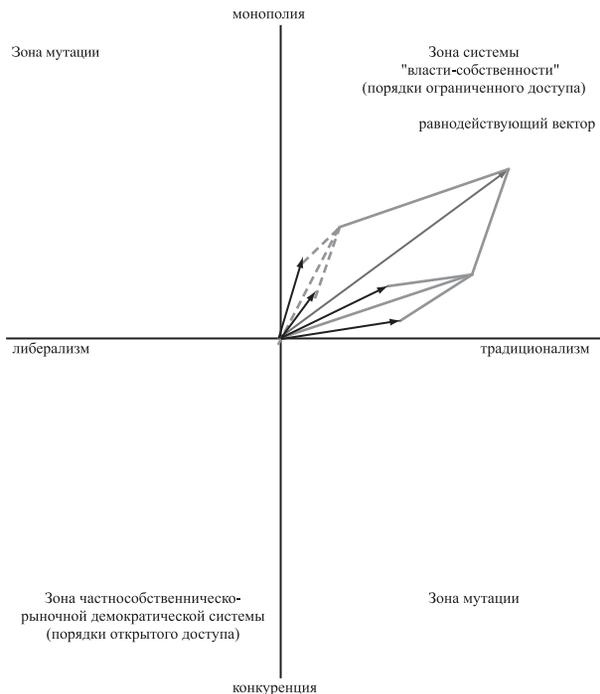

Рис. 1. Социально-экономическая система в состоянии устойчивости.

процессов трансформации одной системы в другую. Если в обществе существует консенсус в приятии общества того или иного типа, то и все вектора будут располагаться в соответствующем квадранте, а результирующий вектор имеет в нем устойчивую позицию (см. рис. 1).

Яркий пример тому – времена советской системы 1930–1950-х гг. В это время господствующая система “власти-собственности” оказалась незыблемой. Однако затем начались процессы, способствовавшие постепенному размыванию сложившегося консенсуса. Уже сами попытки реформирования советской экономики, начиная с косыгинских реформ 1960-х гг., свидетельствовали о том, что основополагающий ее принцип – всеобъемлющего государственного распределения был подвергнут критическому анализу. Идеи оживления советской модели за счет использования рыночных отношений означали, что требования обмена результатами труда обретали все большую значимость. То есть результирующий вектор “распределение–обмен” становился сначала менее значимым, а к концу 1980-х гг. и вовсе сменил направление: требования обмена перевесили требования распределения. Это выразилось в существенном преобладании в обществе осознания необходимости перехода к рыночной экономике¹.

То же произошло и с вектором социальной напряженности. К концу 1980-х гг. политика гласности, объявленная М. Горбачевым, сделала для многих очевидными и неэффективность советской экономической модели, и несправедливость сложившихся перераспределительных процессов. В этой ситуации большинство населения стало связывать свое тяжелое материальное положение с дефектами советской системы и увидело выход из ситуации в смене социально-экономической модели. К такому выво-

¹ Социологические опросы 1990–1991 гг. фиксировали, что устойчивое большинство (от двух третей до трех четвертей опрошенных) высказывались за переход от плана к рынку. Правда, одновременно столь же устойчивое большинство не желало принимать неизбежных при таком переходе тягот и трудностей: были категорически против безработицы, роста цен и т.п. Впоследствии такие настроения не могли не сказаться на ходе начавшихся в 1992 г. рыночных реформ и отношении к ним большинства населения.

ду подталкивала сама структура советской модели экономики с ее беспрецедентным перекосом в сторону производства средств производства, точнее – системы отраслей ВПК, в ущерб производству предметов потребления, порождая, с одной стороны, нарастающий дефицит последних, а с другой – увеличивающуюся с каждым годом на руках населения массу денежных средств, не находящих товарного покрытия. Требования повышения качества жизни, роста уровня потребления выдвигались на передний план, особенно когда стала доступна информация об уровне жизни на Западе. Как отметил В. Ильин, «мотором антикоммунистических революций явилось массовое стремление к модернизации, формулируемое различными слоями населения как желание жить “как на Западе”. При этом для одних это стандарты жизни правящей западноевропейской элиты, для других – уровень пособий по бедности, старости, безработице и т.д.» [Шкаратан, Ильин, 2006, с. 263].

Что касается вектора “диктатура–демократия”, то здесь, скорее, можно говорить о его уменьшении в связи с существенным возрастанием значения демократических принципов. Однако вместе с тем само нарастание хаоса, состояния неопределенности, неизбежных при коренной ломке социально-экономической модели, когда старые институты уже не работали, а новые только предстояло создать, привело к тому, что одновременно с запросом на демократию интенсивно возрастал запрос на “порядок”. И в условиях практически не работающих государственных институтов этот запрос все более обретал формы требования “сильной руки”, персоналистского запроса на лидера, способного восстановить “порядок”. Поэтому само направление данного вектора, скорее всего, можно рассматривать как неизменное, хотя по сравнению с предшествующим периодом он резко сократился в размерах, практически до нулевой отметки.

То же можно сказать и о векторе, символизирующем оппозицию “закон–обычай, основанный на подчинении сильному”. В условиях неопределенности смены системы, при слабости законодательной базы и еще более слабой правоприменительной практике основной упор и в реальной жизни, и в представлениях большинства делается на встраивание в социальные сети, способные дать защиту в соответствии либо с устоявшимися обычаями, либо с вновь появившимися центрами силы.

Таким образом, можно сказать, что к началу 1990-х гг. конфигурация расположения основных векторов изменилась. Два из них сохранили прежнее направление, хотя и резко уменьшились в размере, а два другие – изменили его. Следствием такой перемены стало изменение направления результирующего вектора: он вышел за пределы квадранта “власти-собственности” (порядков ограниченного доступа) и оказался в зоне мутации (см. рис. 2). Это, в принципе, открывало возможности постепенного движения к выходу из системы “власти-собственности” (порядков ограниченного доступа). Однако, как известно, *de facto* страна отказалась от этого пути, предпочтя переинституционализацию старой системы, совершив по сути ту же эволюцию, над которой размышлял Ш. Эйзенштадт еще в 1960-е гг.

Такой поворот вполне укладывается в предложенную схему. Во-первых, вновь обрел привычное положение вектор, фиксирующий социальную напряженность в обществе. Трудности реформ, особенно на первом их этапе, к тому же усугубленные сильнейшими структурными деформациями в экономике, созданными в ходе предшествующего развития, привели к тому, что причины вновь возникших тягот стали связывать не с ними, а с самими реформами, со способом их проведения. К тому же здесь на объективные трудности накладывалась резкая критика реформаторов со стороны как идейных противников реформ, так и их потенциальных сторонников, но имеющих свое видение преобразований, отличное от претворяемого на практике.

Кроме того, – и это, возможно, самое важное, – реформаторы не учли, что конструкция системы “власти-собственности” советского типа не ограничивалась планом в экономике и авторитаризмом в политике; она была значительно сложнее. Важнейший ее компонент – вся система жизнеобеспечения населения, в результате индустриализации резко усилившая массовую зависимость от зарплаты как единственного источника средств существования, и государства, занявшего позицию монополиста-работодате-

Рис. 2. Ситуация возможной мутации социально-экономической системы.

ля. По природе своей нацеленная на максимально возможное перераспределение ресурсов в пользу избранных идеолого-политических приоритетов, данная конструкция покоилась на “системе низких зарплат”, позволяющей в целом минимизировать расходы на поддержание трудовых ресурсов страны. Система эта включала в себя четыре компонента: собственно заработную плату; общегосударственные формы социальной поддержки, за счет которых финансировались образование, здравоохранение, значительная часть расходов на ЖКХ, транспорт и т.п.; ведомственные фонды поддержки работников (ведомственное медицинское обслуживание, собственные санатории, дома отдыха, детские учреждения, жилье и т.п.); дотации на сельскохозяйственную продукцию, позволяющие поддерживать низкие цены на продовольствие (подробнее см. [Плискевич, 2009; 2010]).

В целом эта система позволяла большинству населения поддерживать пусть и невысокий, но достаточно стабильный уровень жизни, давая общественно приемлемые социальные гарантии. При этом она была достаточно гибкой. При возникновении проблем в каком-то одном из ее компонентов общая стабильность балансировалась за счет перенесения нагрузки на другие компоненты. Например, когда уже в 1960-е гг. стала очевидной невозможность удержать цены на продовольствие на прежнем уровне, их повышение стало балансироваться за счет роста оплаты труда, осуществлявшегося прежде всего в виде “материального стимулирования” в рамках “косыгинской реформы”. Недостатки общегосударственных социальных институтов компенсировались развитием ведомственной социальной сети, в первую очередь в приоритетных с идеологической и экономической точек зрения сферах. Начинаясь в 1990-е гг. реформы, призванные покончить с советской системой “власти-собственности”, обрушили эту модель. Под ударом оказались сразу все четыре ее компонента, а компенсаторного механизма предложено не было.

Резкий рост инфляции, с либерализацией цен перешедшей из закрытой формы (дефицит) в открытую, моментально обесценил и рублевые сбережения, которые в иных условиях хотя бы на какое-то время могли бы стать “подушкой безопасности” для оказавшихся в критической ситуации людей. Правда, объемы сбережений у боль-

шинства были не очень велики. Разумеется, в стране имелись группы населения, заработки которых существенно превышали средние и которые могли делать значительные накопления. Не учитывая лиц, связанных с теневой экономикой, здесь прежде всего можно вспомнить тех, кто долгие годы работали в сложных условиях Севера, на предприятиях, связанных с ведущими отраслями ВПК, научную и культурную элиту, и т.п. Однако в среднем показатели сбережений населения были не столь значительны. Так, в 1987 г., когда экономика еще не в той мере, как в 1988–1991 гг., “накачивалась” пустыми деньгами, резко усилившими и дефицит, и открытую инфляцию, в Сбербанке было открыто 187,5 млн вкладов (в том числе в РСФСР – 106,3 млн), а средний размер вклада составлял 1424 руб. (в РСФСР – 1427 руб.), то есть не более семи месячных зарплат, которые в том году составляли 202,9 рубля [Народное... 1988, с. 406, 390].

Попытки перестройки социальной политики по новому образцу, соответствующему стандартам, принятым в развитых странах, столкнулись с неразрешимой проблемой. При продолжающей действовать “системе низких зарплат” число претендентов на социальную поддержку оказывается столь велико, что государство не могло поставить работу социальных институтов на должный уровень. А унаследованные от прошлого требования по частичной компенсации таких расходов, как оплата ЖКХ или городского транспорта, с одной стороны, требуют огромных затрат, а с другой – будучи “размазаны” по многочисленным получателям льгот, не способны качественно улучшить ситуацию. Причем попытки сокращения подобных расходов, равно как и числа их получателей, воспринимаются населением крайне болезненно. Например, при введении в действие закона о монетизации льгот в 2005 г. основные волнения были связаны с такой, казалось бы, малозначительной проблемой, как лишение пенсионеров права на бесплатный проезд в городском транспорте. Но оказалось, что для этих людей подобные расходы при общем уровне пенсий неприемлемы.

Трудности реформ сказались и на пересмотре отношения населения к оппозиции “распределение–обмен”, тем более, что на ее оценку наложились и другая, связанная с ней, но в большей степени относящаяся к сфере ценностных предпочтений оппозиция “патернализм – индивидуализм”. В данном случае на общую сложность преобразования системы “власти-собственности” (порядков ограниченного доступа) накладывалась специфика, вытекающая из особенностей ситуации постсоциалистической трансформации. Преобразования происходили в условиях, когда было принято решение о необходимости демонтажа присущего старой системе института “общенародной (государственной) собственности”, которая на деле не была ни общенародной, ни государственной в общепринятом понимании этого слова. Реальным же ее собственником, как уже говорилось, была “партия-государство” – КПСС. В ситуации же сначала ее ослабления, а затем и просто ликвидации огромные активы страны оказались просто бесхозны, и значительная часть старой элиты, равно как и наиболее активных представителей самых разных групп населения, воспользовались возможностями, открывшимися в связи с приватизацией. Новые собственники в большинстве случаев оказывались неэффективными², а работники таких предприятий становились заложниками сложившейся ситуации, ибо для большинства из них заработная плата была единственным источником средств существования. Все это вело к резкому росту негативного отношения к реформам и усилению патерналистских настроений, тем более что возможности проявления индивидуальной инициативы чем дальше, тем больше ограничивались. Причем такая политика сознательно поддерживается новыми собственниками, для которых большой трудовой коллектив, даже явно превышающий

² Впрочем, и идеологи приватизации не обольщались в этом плане, полагая, что такие собственники быстро разорятся, потеряют собственность и она перейдет к эффективным владельцам. Но на практике свою неэффективность новые собственники компенсировали старыми связями с государственными, силовыми и т. п. структурами. Это позволяло списывать издержки неэффективности на счет государства, апеллируя, в частности, к требованиям социальной поддержки трудовых коллективов и иным социально-политическим аспектам жизни предприятия, особенно предприятия-гиганта или градообразующего.

Ответы на вопрос: “Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?” (в %)

Годы	1990	1997	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Большинство людей сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15	15	19	20
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80	77	75	75
Затруднились ответить	17	11	5	4	5	8	6	4

Источник: [Общественное... 2012, с. 40].

собственно производственные нужды, оказывался удобным аргументом в торге с властями за выбивание разных льгот, заказов и т.п. В результате, как показывают, в частности, опросы Левада-Центра, патерналистские настроения за годы реформ не только не уменьшились, но даже несколько усилились (см. табл. 1). Причем в 2000-е гг., когда общая экономическая ситуация существенно улучшилась, эти настроения продолжали усугубляться.

В результате как роста патерналистских настроений, так и общего функционирования экономики, ориентированного не столько на производство, сколько на перераспределение рентных доходов, получаемых прежде всего от торговли топливно-энергетическими ресурсами, вновь произошла переориентация предпочтений в оппозиции “распределение – обмен”. Реальная экономическая практика приводила к тому, что более рациональными, а потому и предпочтительными, оказывались стратегии, связанные с полюсом “распределение”. (Показательно, в частности, что одну из своих статей В. Полтерович посвятил обществу перманентного перераспределения [Полтерович, 2005].) Поэтому вектор “распределение–обмен” вновь изменил направление.

В целом все описанные процессы привели к тому, что общий результирующий вектор вышел из зоны мутации. Произошла лишь переинституционализация системы “власти-собственности” (порядков ограниченного доступа), то есть ситуация, описываемая и Эйзенштадтом, и Норттом с коллегами. Можно также сказать, что попытка выхода из системы “власти-собственности”, опирающаяся в основном на социально-экономические мотивы, оказывается весьма неустойчивой. Перед лицом трудностей, неизбежных в ходе глубокого реформирования экономики и общественного устройства, население, решившееся на перемены исключительно по социально-экономическим мотивам, быстро разочаровывается и начинает требовать возврата назад в ситуацию, пусть и не комфортную, но представляющуюся лучшей по сравнению с трудностями и неопределенностью процессов реформирования системы.

Преодолесть это состояние можно, лишь опираясь на тот комплекс социокультурных традиций общества, который не только не противостоит, а напротив, поддерживает реформаторские импульсы (см., например, [Гофман, 2008]), равно как и на существенные для большинства идеолого-политические мотивы. Так, идея освобождения от диктата СССР помогла населению стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии перенести трудности первых лет реформ, способствовала тому, что люди приняли жесткие меры по финансовой стабилизации и по всегда болезненной структурной перестройке экономики. Без подобных объединяющих общество мотивов происходит усиление политической поляризации как в целом, так и внутри элит, а это вынуждает политиков сворачивать реформы. Например, Т. Фрай, проанализировавший ход реформ в 25 постсоциалистических странах, пришел к выводу, что основным их тормозом оказывается именно высокий уровень политической поляризации [Frye, 2010]. А И. Бусыгина и М. Филиппов констатируют, что в таких ситуациях у полити-

ков “появляются стимулы в той или иной степени свернуть реформы – либо замедляя экономические и институциональные реформы, либо проводя непослдовательные реформы, которые приносят выгоды производителям за счет зависимых от государственной поддержки групп населения” [Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 162]. То есть для успешности преобразований в обществе должны созреть твердые убеждения в необходимости не только экономических, но и более глубоких социокультурных и идеолого-политических перемен, смягчение поляризации и общества, и элит.

Возникает вопрос: возможно ли, если исходить из условий предложенной конструкции, достичь устойчивости в настрое общества на радикальные перемены при другой конфигурации векторов? Здесь, как представляется, особое внимание следует обратить на вектор “закон–обычай, основанный на подчинении сильному”. По сути, перемещение акцента в требованиях общества к полюсу “закона” затрагивает ценностные основы общества и корреспондирует с первым “пороговым условием” перехода к порядку открытого доступа, сформулированным Нортм–Уоллисом–Вайнгастом для элит [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 76]. В условиях же общества, уже прошедшего этап индустриальной модернизации, в большей степени, нежели в обществах, находящихся на более низкой стадии развития и, соответственно, более подверженных воздействию традиционалистской архаики, важен консенсус общества и элит в вопросе о примате закона как незыблемого принципа разрешения конфликтов вне зависимости от статусных позиций сторон. Тут не только элита (если она действительно элита) может (и призвана!) сыграть роль как просветителя масс, так и примера поведения для них. Но и общество, осознав насущность для собственного выживания важности реализации обезличенного принципа равенства всех перед законом, может использовать имеющиеся у него механизмы давления на элиты, требовать создания соответствующих институтов и механизмов контроля над реализацией данного принципа.

Однако, чтобы такое давление было продуктивным, в обществе должны вызреть реальные потребности в правовом государстве, неотягощенном комплексом неформальных отношений, склоняющих в реальной практике к решению проблем в рамках привычных обычаев и процедур. Какова же в данной сфере ситуация в современном российском обществе? С одной стороны, широко распространено убеждение, что важнейшим препятствием и экономического, и социального, и политического развития страны стал кризис всей правовой, и прежде всего судебной, системы, использование ее как в политических, так и в рейдерских целях. Однако юристы отмечают, что современная российская власть «либо по недомыслию, либо намеренно делала и продолжает делать все, чтобы Россия как можно дольше задержалась в переходных лабиринтах на пути к правовому государству, на этот раз в образе государства тоталитарного, опирающегося на “ручное управление” экономикой и обществом, использующего в качестве основного инструмента насилие и выражающего интересы не социума, а коррумпированной номенклатуры и бизнеса, извлекающего ренту из власти» [Новикова, 2013, с. 223–224].

Формально провозглашенные принципы правового государства попираются как на законодательном уровне с принятием законов, открывающих возможности для произвола, так и на правоприменительном уровне: «Нынешние порядки ограниченного (закрытого) доступа характеризуются тем, что существуя в условиях современного мирового сообщества (правопорядка), они вынуждены формально провозглашать верховенство права, однако реализация этого принципа в этих социальных порядках блокируется различными способами. В результате социальные силы или личности, чьи действия воспринимаются властью как попытка реализовать те провозглашенные (но “мертвые”) права, которые позволяют сменить властную элиту, подвергаются уголовной репрессии и конфискации имущества (в случае наличия собственности, “достойной изъятия”» [Федотов, 2013, с. 268].

В целом можно сказать, что в современной российской элите пока более сильны позиции тех, кто стремится поддержать принципы системы “власти–собственности”, или порядков ограниченного доступа, пусть даже ценой деградации экономики стра-

ны. Ибо, как показывает практика “тучных” 2000-х гг., характерные для этой системы мобилизационные принципы развития, ныне выражающиеся в бюджетном финансировании тех или иных мегапроектов, не только не принесли сколь-нибудь существенных прорывов в технологической сфере, но и дали ничтожные по сравнению с вложенными средствами результаты в развитии инфраструктуры и т.п. (вспомним скандалы с финансированием саммита АТЭС, Олимпиады в Сочи, разработки системы ГЛОНАСС и др.). В то же время общепризнанным фактом стали расцвет коррупции и обогащение приближенных к власти бизнес-структур.

Те же представители элиты, которые видят гибельность для страны проводимого курса, пока не имеют достаточных сил, чтобы переломить ситуацию. Весомости их позиции могло бы способствовать усиление давления “снизу”, то есть смена направления вектора “закон–обычай, основанный на подчинении сильному” в общественных потребностях и реальном поведении большинства населения. Однако пока, при всем критическом настрое по отношению к власти, ситуация в данной сфере неоднозначна. Социологические опросы показывают, что в обществе есть запрос на переход к жизни “по закону”. Так, согласно опросу Левада-Центра (август 2012 г.), 55% опрошенных полагают, что власть в стране должна держаться на соблюдении Конституции, 30% – на “подконтрольности обществу и строгом соблюдении законов”, тогда как лишь 18% и 7% опрошенных, соответственно, считают, что власть в реальности придерживается этих принципов. При этом полагающих необходимым поставить власть под контроль общества в декабре 2012 г. было зафиксировано 55% (полагают, что сегодня важнее “укрепление власти” – 35%). Причем среди опрошенных в декабре 2012 г. лишь 33% согласились с тем, что для разрешения своих проблем гражданам имеет смысл обращаться в судебные органы [Общественное... 2012, с. 33, 38, 39]. (Любопытно, что еще в 2008 г. таковых был 21%, правда, к концу 2010 г. данный показатель подскочил до 41%, а затем чуть-чуть снизился [Общественное... 2011, с. 40].) Приведенные данные показывают, что формирующийся в обществе запрос на жизнь “по закону” пока не столь интенсивен, чтобы стать “материальной силой”. В лучшем случае соответствующие взгляды выражают лишь немногим больше половины опрошенных.

Это соответствует и выводам Н. Тихоновой, рассматривающей нормативно-ценностные принципы современного российского общества как разновидность модели “власти-собственности”, хотя и вступившей в стадию разложения. Согласно ее исследованиям, в нашем обществе растет запрос на “закон” (“писаное право”) как на новый социальный регулятор, заменяющий в качестве такового “традицию” (“обычай”, отражающий зависимость от места сторон спора в статусной иерархии). В целом россияне пока *«остаются в массе своей сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости»* [Тихонова, 2011, с. 8].

В то же время и в обществе, и в элитах нарастает ощущение опасности пренебрежения законом. В мае 2013 г. Левада-Центр провел опрос о том, чего россияне боятся в жизни. Оказалось, что в число самых сильных страхов, которым подвержено население России, попал страх “произвола властей, беззакония”. А. Левинсон пишет: «Тех, кого это тревожит постоянно, в 1,5 раза больше, чем тех, кого это не волнует. При этом максимум беспокойства проявляют стоящие поближе к власти, те, кто и сам пусть маленькая, но власть. Следом за ними – силовики, они же много более всех опасаются “ужесточения политического режима”. И они же вместе с руководящими работниками сильно (почти 25%) боятся “возврата к массовым репрессиям”. И те и другие волнуются, можно предположить, потому, что знают лучше прочих, к чему идет дело. Они сознают, что оказались втянуты в произвол... обстановка беззакония дает им все основания опасаться, что далее они сами окажутся жертвами произвола» [Левинсон, 2013, с. 7].

Особенности правового сознания занятых в бизнесе (в %)

Годы	2004	2006	2008	2010
“Законопослушные”	28	35	41	38
“Релятивисты”	47	50	38	39
“Нарушители”	25	15	21	23

Источник: [Заславская, Шабанова, 2012, с. 14].

Не менее важен и ответ на вопрос: а как сами россияне готовы соблюдать законы в существующих условиях? Т. Заславская и М. Шабанова проанализировали особенности правового сознания такой “продвинутой” в модернизационном плане группы российских бизнесменов, как слушатели программы *MBA* Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Они проследили динамику соотношения “законопослушных”, то есть считающих, что законы, даже несовершенные, необходимо соблюдать, ибо нарушение здесь обойдется дороже; “нарушителей”, уверенных, что сегодня вести бизнес только законными способами невозможно; “релятивистов”, действующих в зависимости от обстоятельств и допускающих отступление от закона в интересах дела (см. табл. 2). Приведенные данные интересны тем, что большая часть опрошенных (“нарушители” и “релятивисты”) открыто заявили о своей незаконопослушности. Причем среди нового поколения, входящего в бизнес (до 30 лет), доля законопослушных меньше, чем в более старших группах (32% против 41–46%) [Заславская, Шабанова, 2012, с. 14].

Таким образом, приведенные данные разных исследователей свидетельствуют, что в российском обществе при всем недовольстве произволом властей подлинный запрос на перестройку формальных и, особенно, неформальных отношений в сторону строгого следования закону еще не сложился. Многое здесь связано с политикой властей, стремящихся удержать принципы взаимодействия с обществом в рамках устоявшихся обычаев. Однако и отторжение сложившихся порядков растет. Поэтому вектор “закон – обычай, основанный на подчинении сильному” в настоящее время можно определить как пусть и еще склоняющийся к полюсу “обычая”, но приближающийся к нулевой отметке, то есть равнодействующая общественных устремлений стремится к нулю.

По сути, это означает, что российское общество находится в точке бифуркации, и любое событие, вызвавшее широкий общественный резонанс, способно вывести социум из состояния равновесия. Если при этом общественные предпочтения качнутся в сторону четкого требования соблюдения закона и реальных санкций за пренебрежение им, включая санкции за произвол представителей правоохранительных органов и судебной системы, это будет означать выполнение одного из **пороговых условий**, необходимых для общества, переходящего к порядкам открытого доступа или начинающего процесс мутации системы “власти-собственности”.

Думается, что в данном процессе именно направление вектора “закон – обычай, основанный на подчинении сильному” является ключевым, так как от него во многом зависят качественные преобразования институциональной системы. В данном случае пороговое условие для общества поддерживает и пороговое условие для элиты, сформулированное Нортон и его коллегами. Такое объединение стремлений способно дать определенную страховку от очередного срыва модернизационных усилий. Однако представляется, что изменения направления лишь одного из векторов недостаточно. Оно должно быть подкреплено изменением направления хотя бы еще одного вектора. Причем и в этом случае было бы желательно, чтобы такое изменение содержало в себе потенциал глубоких изменений институциональной системы.

Может ли быть таковым вектор – равнодействующий оппозиции “демократия–диктатура”? Здесь также ситуация сложная. С одной стороны, переход к демократическим

принципам – важнейший компонент порядков открытого доступа, также связанный с пороговыми условиями для элит Норта и его коллег. Однако, с другой стороны, в мире масса примеров государств демократических по форме, но остающихся авторитарными и даже диктаторскими по содержанию. Поэтому в данном случае важно, чтобы население правильно воспринимало суть демократических процессов, а не ограничивалось равнодушным признанием их формы. С этой точки зрения нельзя сказать, что россияне приблизились к осознанию сути демократии. Хотя устойчивое большинство признают, что демократия России нужна (число таковых, согласно опросам Левада-Центра 2005–2012 гг., устойчиво держится в диапазоне от 55% до 67%, а тех, кто полагают, что она – не для России, – 16–27%), основная проблема заключается в том, какой смысл вкладывают люди в это понятие, и тут результаты не столь радужны. Только от 18% до 27% уверены, что нам нужна такая же демократия, как в странах Европы и США, 10–20% берут за образец конструкцию, построенную в СССР, 3–10% заявляют, что России демократия вообще не нужна, а большинство – 38–49% убеждены, что нашей стране требуется некая своя, совершенно особая, соответствующая ее специфике и национальным традициям форма демократии [Общественное... 2012, с. 25].

Все это свидетельствует, что пока на подобной почве во внешне демократические костюмы власть вполне может одевать разного рода псевдодемократические конструкции типа “управляемой” или “суверенной” демократии, и они будут достаточно равнодушно восприниматься большинством населения. Тихонова замечает, что «поскольку свобода для россиян – это все еще, прежде всего, “свобода от” (то есть от общества, начальства, требований социума и т.п. В отличие от принятой в модернизированных обществах “свободы для” – возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод. – *Н.П.*), то и многие инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны. Ключевые признаки демократии в их глазах – равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). Что касается многопартийности, наличия оппозиции и других элементов демократии как ее основных признаков, то в 2010 г. их называли менее 20% опрошенных» [Куда ведет... 2011, с. 312]. При этом характерно, что и задачи оппозиции трактуются россиянами весьма специфически – не как борьба за власть, а лишь как контроль за правильным поведением власти в деле соблюдения общественных интересов и оказания ей помощи в этом важном деле.

Жизненные реалии диктуют большинству в качестве рационального поведения принятие устоявшихся в стране порядков “мягкого авторитаризма”, облеченного в псевдодемократические формы. Тем более, что возрастающие трудности в управлении все усложняющимся обществом воспринимаются многими как нарастание хаоса, с которым на основе демократических процедур сложно справиться. В таких условиях рациональным представляется “избавление политической системы от избытка демократии” как структурное условие выживания самой демократии [Дзоло, 2010, с. 240]. На такой боязни хаоса как неперемennого спутника демократической свободы успешно играют сторонники авторитарных методов управления, что также склоняет вектор “диктатура – демократия” в направлении, противоположном полюсу “демократия”.

Однако сами идеи важности демократического устройства общества подтачивают сложившиеся в стране порядки, которые сегодня оказались в состоянии крайне неустойчивого равновесия. В зависимости от тех или иных конкретных событий перевес может сместиться либо в одну, либо в другую сторону. Многое зависит от того, насколько подлинно демократические нормы и ценности начнут укореняться в обществе, насколько реальным у широких масс станет запрос на подлинную демократию. Пока же реальная практика властей блокирует их развитие, в то же время формально эксплуатируя демократическую риторику и тем самым “замораживая” состояние неопределенности.

В интересах господствующих властных элит и удержание вектора “распределение – обмен” с ориентацией на полюс “распределение”. Если в начале реформ пре-

обладала тенденция развития рыночных отношений, люди проявляли инициативу, начиная тот или иной бизнес, в большинстве случаев – малый. Пусть это делалось под давлением тяжелой ситуации начала реформ, а не по призванию, не по внутренней потребности, но именно такие предприниматели в 1992–1993 гг., открывая свое производство или занимаясь, например, “челночным” бизнесом, спасли тогда не только себя, но и страну. Однако затем начался процесс новой институционализации системы “власти-собственности” с его тенденциями монополизации всех видов деятельности, с бюрократизацией экономических отношений, в результате которого сфера частной инициативы и свойственных ей отношений равноправного обмена плодами деятельности вновь стала сжиматься.

В центре экономических отношений все более явно утверждается чиновник, требующий свою долю благ за участие в контролируемых им процессах. А возрастание роли государственных инвестиций в самые разные проекты на передний план экономической деятельности выдвинули понятие “бюджетный финансовый поток” (равно как и “финансовый поток” как способ перераспределения природной ренты). В такой ситуации на передний план выходят распределительные отношения и произрастающая из них коррупция. “Специфика российской коррупции состоит в том, что под одним и тем же названием объединяются собственно коррупционное поведение людей с одинаковым социальным статусом и перераспределение ренты в рамках патрон-клиентских сетей, которые выступают основой естественного государства (государства с ограниченным доступом). Борьба с патрон-клиентскими сетями, которые, с одной стороны, есть часть государственного аппарата, а с другой – часть гражданского общества, в этих условиях не может быть не чем иным, как борьбой *между* патрон-клиентскими сетями. *Других политико-экономических субъектов в России просто нет*” [Ореховский, 2012, с. 115–116].

Сложившиеся практики хозяйствования, ориентированные не на равноправный обмен результатами деятельности, а на перераспределительные процессы как по формальным (налоги и разного рода обременения под лозунгом “социальной ответственности бизнеса”), так и по неформальным каналам угнетают экономическую активность. Прежде всего приходит в упадок малый и средний бизнес как в меньшей степени огражденный от произвола. Так, согласно отчету “Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012”, лишь 2,2% россиян в 2012 г. были намерены начать с нуля свой бизнес. Это самый низкий показатель среди стран, проводящих соответствующие исследования, и самый низкий в России с 2006 г. Вместе с уже действующими предпринимателями доля желающих открыть свой бизнес составляет 3,8% (в других странах БРИКС – в среднем 21%; в странах Восточной Европы – 24%). Тревожность ситуации отмечает и бизнес-омбудсмен Б. Титов, указавший на массовое аннулирование регистрации индивидуальных предпринимателей в 2013 г. из-за двукратного повышения социальных взносов (“Ведомости”, 22 апреля 2013 г.).

Таким образом, государственная политика, ориентированная на главенство перераспределительных процессов с их неизбежным побочным эффектом – коррупцией, удерживает вектор “распределение – обмен” в направлении полюса “распределение”, то есть в зоне господства системы “власти-собственности” (порядков ограниченного доступа). То же можно сказать и о связанном с ним векторе “патернализм – индивидуализм”. Сокращение сферы проявления индивидуальной активности, прежде всего касающейся процессов самоорганизации, стремление ограничить ее там, где она все же прорывается (например, в расширяющемся волонтерском движении, деятельности разного рода НКО и т.п.), сопровождается *de facto* поощрением патернализма, хотя государству все труднее выполнять взятые на себя обязательства.

В целом такого рода политика “подмораживания” общества пока обеспечивает удержание описываемых векторов в положении, удобном для власти. Но общее недовольство ситуацией, прежде всего разрастающейся коррупцией, способно дать очередной всплеск с переменой полюсов названных оппозиций. Этот всплеск вполне может быть дополнен и изменением направления вектора социальной напряженности,

Распределение малоимущего населения России по группам в 2002–2007 годах
(в %; все малоимущее население страны по каждому году – 100%)

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экономически активное население	61,2	60,5	60,2	60,2	60,5	61,1
Занятые в экономике	58,7	58,2	58,1	58,4	58,7	59,4
В том числе						
работающие пенсионеры	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8	4,1
безработные	2,4	2,3	2,1	1,9	1,8	1,7
Экономически неактивное население	38,8	39,5	39,8	39,8	39,5	38,9
В том числе						
неработающие пенсионеры	16,1	16,2	15,7	15,0	15,1	15,1

Источник [Социальная... 2010, с. 181].

связанного с представлениями о причинах тяжелого материального положения значительных слоев населения. Пока направление данного вектора поддерживается глубоко укоренившимся и регулярно поддерживаемым пропагандой убеждением, что материальные трудности большинства – результат “неправильного” проведения реформ в “лихие девяностые”. Тем более что двухтысячные ознаменовались действительным повышением уровня жизни населения, которое в массе своей не задумывается о том, какой вклад в этот процесс внес рост цен на энергоносители, какой – результаты тех самых реформ, что были проведены в 1990-е гг., а какой – экономическая политика 2000-х гг., особенно их второй половины и начала 2010-х гг.

Однако нынешнее относительное благополучие явно неустойчиво, да и распространяется оно далеко не на всех. Так, Левада-Центр, в течение двух десятилетий фиксирующий оценки, которые население дает благосостоянию своих семей, отмечает, что в 2012 г. (очевидно, как следствие предвыборной социальной политики) несколько выросли (на 3–4 процентных пункта) доли тех, кому хватает денег на одежду и питание (до 49%), а также тех, кто могут без проблем покупать товары длительного пользования, но затрудняются в приобретении дорогих вещей (до 19%). Но по-прежнему велика доля тех, для кого покупка одежды – проблема (22%), а доля тех, кому не хватает денег даже на питание, уже несколько лет держится на уровне 9% [Общественное... 2012, с. 49].

Кроме того, важно, что в России, в отличие развитых стран, работающий человек не гарантирован от бедности. В этом также прослеживаются последствия того, что страна до сих пор находится в институциональной ловушке “системы низких зарплат”, унаследованной от советского периода. Данные таблицы 3 показывают, что доля экономически активного населения, причём занятого в экономике, среди малоимущих в годы стабильного роста экономики практически не изменялась. Это позволяет сделать вывод, что в современной России “оплачиваемая работа не является страховкой от бедности. Примером тому могут служить домохозяйства, состоящие из одиночек трудоспособного возраста, 68,7% которых попадают в категорию занятых малоимущих” [Социальная... 2010, с. 181]. В результате, хотя в стране на всем протяжении реформ отмечался крайне низкий уровень безработицы, характер предлагаемых на рынке труда рабочих мест и зарплат таков, что не предохраняет ни от бедности, ни от социальной исключенности. А это “предопределяет слабую заинтересованность в получении работы как средства решения своих проблем, способа успешной интеграции в общество” [Тихонова, 2003, с. 140].

Все это позволяет предположить, что при любом осложнении экономической ситуации социальная обстановка может быстро накалиться. Правда, при этом возможны самые разные варианты того, кто в народном сознании окажется виновником ухудшения положения и, соответственно, в сторону каких перемен может переориентироваться вектор социальной напряженности.

Однако последствия такого изменения в направлении данного вектора, скорее всего, не будут работать на процессы перехода к порядкам открытого доступа. Здесь с гораздо большей вероятностью сработают механизмы инверсии, описанные А. Ахиезером, который, в частности, сразу после событий 1991 г. писал, что начавшиеся реформы пока не стали свидетельством перехода к либерализму, а продолжает действовать циклическая динамика колебаний между авторитарным и вечевым идеалами [Ахиезер, 1997, с. 783]. В таких условиях ухудшение материального положения населения, скорее всего, даст толчок не к “подталкиванию” элит в сторону модернизации общества, перехода к порядкам открытого доступа, а к новой попытке “инверсионного прорыва к некоторому утопическому состоянию”. Тем более что «эффективно управлять модернизацией в условиях “замороженного общества” невозможно, так как невозможно одновременно обеспечить изменение общества и его неизменность» [Ахиезер, 2006, с. 75]. И если современные российские властные элиты рассчитывают на удержание “стабильности” прежде всего путем “подмораживания” ситуации с помощью методов патерналистской материальной поддержки отдельных слоев населения, им следует иметь в виду и то, что реакция на ослабление такой поддержки, как правило, иррациональна, ориентирована на иллюзорные цели и направлена против вчерашних благодетелей, разочаровавших массы. Такая реакция не связана со стремлением кардинально сменить господствующие порядки, но опасна для властных элит.

При этом нельзя забывать, что, по выражению Н. Зубаревич, сейчас в стране сосуществуют “четыре России”³ с разными условиями жизни, социально-экономическими возможностями, потенциалом развития и т.п., и усилия по “подмораживанию” концентрируются прежде всего в третьей и четвертой из них, хотя именно там наблюдается наиболее сложная социально-экономическая ситуация. Однако “любая экономическая модернизация неизбежно приведет к нарастанию территориальных *экономических контрастов*, поскольку масштабы финансовой помощи периферийным территориям... из федерального и региональных бюджетов станут более ограниченными, а объективные возможности их развития ниже, чем в крупных городах” [Зубаревич, 2012, с. 151]. Так что, скорее всего, у “четырех России” будут разными и степени недовольства, и представления о причинах трудностей, и характер самих трудностей, что затрудняет выявление и величины, и результирующего направления общероссийского вектора социальной напряженности. В то же время можно предположить, что в “первой России” все вышеназванные векторы будут более энергично склоняться в сторону требований изменения порядков ограниченного доступа.

Однако, как показали события начала 1990-х гг., в целом экономически ориентированные векторы достаточно неустойчивы. При опоре исключительно на них вероятность очередного срыва модернизации достаточно высока. Поэтому с ухудшением социально-экономической ситуации, например в связи с падением цен на нефть, вряд ли стоит связывать надежды на оживление реформ под давлением “снизу”. Более вероятен импульс “снизу”, связанный с ценностно ориентированными векторами: с последовательными требованиями соблюдения законодательства и подлинно демократических принципов. Кроме того, степень осознания необходимости качественных перемен должна достичь такого накала, который вынудит к реальным действиям и элиты, и общество в целом. Тем более, что эти процессы соответствуют выявленным Нортон и его коллегами требованиям пороговых условий для элиты. Как отметил Б. Дубин, “в обществе *зрителей*... модернизация невозможна; общество *участников* надо некоторым образом формировать, и это основная задача” [Культурные... 2012, с. 46].

Думается, что для успеха общего процесса движения социума к порядкам открытого доступа крайне важно взаимодействие властной элиты и общества. В таком слу-

³ Первая – Россия городов-миллионников с населением до 0,5 млн человек; вторая – города в основном с 50–250 тыс. населения; третья – Россия малых городов, поселков и сельской местности; четвертая – слабо-развитые республики Северного Кавказа и юга Сибири, имеющие свою специфику вне зависимости от величины поселений.

чае часть элиты, осознавшая необходимость перехода, получает мощного союзника в лице выдвигающих сходные требования активных слоев общества, а попытки “подморозить” ситуацию, предпринимаемые противниками перемен, будут давать меньший эффект. Это, в свою очередь, скажется на результирующей величине и направлении векторов “распределение–обмен” и связанного с ним вектора “патернализм–индивидуализм”.

Таким образом, устойчивый переход векторов “закон–обычай, основанный на подчинении сильному” и “диктатура–демократия” к полюсам “закона” и “демократии” можно считать **пороговым условием** для общества, начавшего переход от системы “власти-собственности” и порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа и частнособственническо-рыночной демократической системе. Если он будет поддержан соответствующими изменениями других векторов, появится надежда на то, что результирующий вектор займет устойчивое положение в зоне мутации. А это открывает возможность движения в направлении порядков свободного доступа и зрелого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А.* Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7.
- Аузан А., Келимбетов К.* Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5.
- Аузан А., Келимбетов К.* Социокультурная формула экономической модернизации // Развитие человеческого капитала – новая социальная политика. Сборник научных статей. М., 2013.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
- Ахиезер А.С.* Труды. М., 2006.
- Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012.
- Гофман А.Б.* От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.
- Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде // Общественные науки и современность. 2012. № 4.
- Зубаревич Н.* Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et contra. 2012. № 4–5.
- Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М., 2011.
- Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – “за” и “против” модернизации (материалы Диспут-клуба) // Мир России. 2012. № 3.
- Левинсон А.* Едва ли не страшнее войны // Ведомости. 2013. 11 июня.
- Народное хозяйство в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988.
- Новикова Е.В.* Верховенство права как вызов времени // Верховенство права как фактор экономики. М., 2013.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012.
- Общественное мнение – 2011. Ежегодник. М., 2011.
- Общественное мнение – 2012. Ежегодник. М., 2012.
- Ореховский П.* Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция // Вопросы экономики. 2012. № 11.
- Плискевич Н.М.* Мутации “Власти-собственности”: проблемы и перспективы. М., 2007.
- Плискевич Н.М.* Система низких зарплат – институциональная ловушка // Социальная политика в контексте “нормативной теории государства”. М., 2009.
- Плискевич Н.М.* “Система низких зарплат” – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5.

Полтерович В.М. Общество перманентного перераспределения // Общественные науки и современность. 2005. № 5.

Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации. М., 2010.

Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4.

Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.

Федотов А.Г. Верховенство права: проблемы понимания // Верховенство права как фактор экономики. М., 2013.

Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006.

Frye T. Building States and Markets After Communism: the Perils Polarized Democracy. Cambridge, 2010.

Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York, 2009.

© Н. Плискевич, 2013